

ОТ АВТОРА

Эта вечная сигара. Эта фетровая шляпа. Этот боевой дух. Эти знаменитые речи. Этот V— знак победы. Эти узнаваемые символы сразу же вызывают в памяти знаковую фигуру Уинстона Черчилля, который, как считается, привел свою страну к победе во Второй мировой войне. Я постоянно сталкивалась с этим легендарным государственным деятелем и его вездесущими символами, проводя исследования перед написанием своего романа «Единственная женщина в комнате», действие которого отчасти происходит во время Второй мировой войны. Но, как это часто случается, когда я залезаю в кроличью нору исследований, я начинаю задаваться вопросом о женщинах — в этом случае об одной конкретной женщине. Прodelал ли Черчилль всю свою знаменитую работу один? Где была его жена на протяжении более чем трех десятков лет и во время знаменитых событий Второй мировой войны? Какой была она? Эти вопросы начали терзать меня, и меня захватили мысли о Клементине Черчилль.

Во время моих исследований о Хеди Ламарр* я ненадолго отвлеклась на Клементину Черчилль. С того момента, как я познакомилась с ее необычной историей и прочла о ее первом знакомстве с Уинстоном, меня зацепил этот яркий, сложный, преданный, смелый и порой вздорный женский образ. Она оставила важный, но по большей части неизвестный след, и я поняла, что должна рассказать свою версию истории Клементины.

Рассматривая через призму этих исследований ее жизнь и отношения с Уинстоном, я осознала, что Уинстон не был одинок

* Хеди Ламарр (9 ноября 1914 — 19 января 2000) — австрийская и американская киноактриса и изобретательница, чья популярность пришла на 1930–1940-е годы. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

во время Второй мировой войны, хотя его всегда таким изображают, но рядом с ним всегда была Клементина, направлявшая его в его решениях, влиявшая на правительственных лидеров ради достижения общей цели, помогавшая ему идти по шаткой почве отношений с коллегами и сотрудниками, воспитывавшая их детей и обеспечивавшая их благополучие. Я узнала, что она разделяла с ним бремя лидерства во время не только Второй мировой войны, но и Первой, и что она поддерживала его все годы между этими войнами. В романе я рассматриваю бурные отношения и жизнь Клементины Черчилль и, надеюсь, выведу на свет нынешнего дня ее вероятный вклад в изменение мира.

Но чем больше я узнавала о личности Клементины и роли, которую сыграла она в своих взаимоотношениях с Уинстоном, тем больше я приходила к выводу, что она сама по себе была знаковой фигурой. Женщина с природным острым интересом к политике, в частности, к проблеме женского избирательного права и социальной и гуманитарной проблематике Либеральной партии, она была поставлена в безвыходное положение запретами своей эпохи на открытое вмешательство женщин в политику. Когда она вышла замуж за Уинстона, с которым разделяла страсть к политике, она погрузилась в этот политический мир беспрецедентным для своего времени образом. Она создала себе уникальную репутацию как за кулисами, так и до некоторой степени публичную, заявив претензии на политическое пространство, в котором общество ей отказывало. Отстаивая свою собственную власть, пусть и проистекавшую от Уинстона, она употребляла ее ради блага британского народа во время войны и женщин в целом. Мы до сих пор пожинаем плоды ее трудов.

Приняв бремя лидерства, Клементина должна была преодолеть собственную нерешительность и сомнения в себе, чтобы воспользоваться этой возможностью и осуществить свои давние стремления по поводу женских избирательных прав и других социальных проблем, таким образом вдохновляя других людей на разных социальных уровнях. В этом свете я не могла не размышлять о том, что бы она могла задумать и свершить, будь ограничения ее времени иными. Стала бы Клементина Черчилль в нашу более вдохновляющую для женских амбиций эпоху очень заметной политической фигурой, а не теновой по большей части, пусть во всем остальном и мощной силой? Ответить на этот вопрос оставляю вам.

I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*12 сентября 1908 года
Лондон, Англия*

Я всегда ощущаю себя не такой, как все, не похожей на других. В каких бы кругах я ни вращалась, всегда чувствую себя чужой. Даже сегодня. Особенно сегодня. Тусклое, ранее сентябрьское солнце пытается пробиться сквозь сумрак холодного утра. Бледные лучи освещают огромную спальную, отведенную мне моей благодетельницей, леди Сент-Хелиер, падают на белое атласное платье, висящее на манекене, напоминая, что оно ждет меня.

Когда я провожу пальцем по вышитому тонким узором корсажу с квадратным вырезом из скользящего венецианского шелка, нежнее которого я в жизни не носила, меня охватывает чувство более сильное, чем обычная оторванность от мира сего, что так часто одолевает меня. Я жажду связи с ним.

Я ищу одежду, которую горничные достали из моего багажа, разложили по ящикам и развесили в зеркальном большом шкафу, когда я приехала на Портленд-плейс 52 две недели назад. Но не нахожу ничего кроме корсета и нижнего белья, которое предполагается надеть сегодня под белое платье. Значит, горничные наверняка снова упаковали мои вещи для последующего путешествия. От одной мысли о «последующем» меня бросает в дрожь.

Туго завязав пояс своего серого шелкового халата, я на цыпочках спускаюсь по большой лестнице особняка леди Сент-Хелиер. Когда я замечаю в гостиной служанку, стоящую коленях перед каминной решеткой, понимаю, что вот она-то мне и нужна.

Звук моих шагов пугает бедную девушку, и она вскакивает на ноги.

— Доброе утро, мисс Хозьер. Могу я чем-нибудь помочь? — говорит она, отирая черные от сажи пальцы о тряпку, висящую поверх передника.

Я медлю. Не наврежу ли я девушке, если попрошу ее помощи? Хотя леди Сент-Хелиер простит мне сегодня любое нарушение этикета.

— Вообще-то да, мне нужна ваша помощь. Если это не сильно вам помешает, — мой голос полон вины.

После рассказа о моем затруднительном положении девушка, предположительно моя ровесница, убегает по заднему коридору в сторону кухни. Сначала мне показалось, что она не так поняла мою просьбу или решила, что я сошла с ума. Тем не менее я следую за ней, и когда она стремительно мчится по грубому деревянному полу кухни к лестнице для слуг, до меня доходит ее план.

Морщась от топота ее рабочих башмаков вверх по лестнице и по коридору верхнего этажа, где находятся спальни слуг, я жду, молясь, чтобы ее шум не всполошил остальных. Я боюсь, что, если они выйдут на свою утреннюю работу и обнаружат меня на кухне, кто-нибудь из них доложит леди Сент-Хелиер. Когда девушка возвращается с узелком в руке — и никто из слуг не следует за ней по пятам — я облегченно вздыхаю.

— Как вас зовут? — спрашиваю ее, протянув руку к узелку.

— Мэри, мисс, — отвечает она, коротко присев.

— Я навсегда у вас в долгу, Мэри.

— Рада услужить вам, мисс Хозьер, — она одаряет меня заговорщической улыбкой, и я понимаю, что ей нравится ее роль в этом дерзком плане. Возможно, это единственное развлечение в однообразии ее будней.

Когда я поворачиваюсь и иду обратно к большой лестнице, Мэри шепчет:

— Почему бы вам не переодеться в кладовке, мисс? Шанс, что вас там найдут, куда меньше, чем если вы вернетесь наверх. А я уж постараюсь вернуть вашу одежду в вашу спальню прежде, чем кто-то ее заметит.

Девушка права. С каждым шагом по этой скрипучей большой лестнице я все ближе к шансу разбудить хозяйку дома и ее слуг. Воспользовавшись советом, я вхожу в кладовку, где по стенам тянутся полки, уставленные банками, и лишь прикрываю дверь, чтобы в закрытое помещение проникал хоть какой-то свет. Я позволяю моему халату стечь к моим ногам и разворачиваю узелок. Достая оттуда на удивление симпатичное хлопковое платье в цветочек длиной

в пол и натягиваю его, а затем шнурую черные ботинки, которые предусмотрительно прихватила Мэри.

— Вам прямо впору, мисс Хозьер, — говорит девушка, когда я снова выхожу в кухню. Она снимает с крючка пальто и подает мне со словами:

— Доброго пути!

Я спешу к двери для слуг в задней части дома и выхожу в переулок, что тянется за рядом роскошных георгианских* домов по Портленд-плейс. Я прохожу мимо кухонных окон, в которых слуги уже начинают зажигать лампы, готовя дом для своих хозяев. За особняками леди Сент-Хелиер и ее друзей лежит суетный мир, но поскольку я всегда вхожу в парадные двери, я никогда не видела того, что находится позади.

Переулок выходит на Уэймут-стрит, к остановке автобуса. Он ведет в Кенсингтон, и я знаю маршрут достаточно хорошо, поскольку несколько раз приезжала к леди Сент-Хелиер с другой стороны. Шерстяное пальто Мэри слишком тонкое для прохладного утра, и в ожидании автобуса я плотно запахиваю его в тщетной надежде согреться. Как же Мэри зимой ходит в таком тонком пальто?

У простой шляпки, которую ссудила мне Мэри, очень узенькие поля и, соответственно, лица мне не скрыть. Когда я сажусь в автобус, водитель сразу узнает меня по фотографиям, которыми в последние дни пестрели газеты. Он пристально смотрит на меня, но молчит. Наконец, он быстро произносит:

— Вы явно не туда пришли, мисс..., — он понижает голос до шепота, осознавая, что ему не следует выдавать моего имени, — Хозьер.

— Я нахожусь там, где и намеревалась оказаться, — отвечаю я тоном доброжелательным, но, надеюсь, твердым. Он не сводит взгляда с моего лица, беря у меня деньги, которыми ссудила меня Мэри из своих сбережений, и я намерена вознаградить ее стократ. Но не говорит ни слова.

Я опускаю взгляд, чтобы скрыть лицо от любопытных зевак, которых привлекла странность реакции водителя и моего поведения.

* Георгианская архитектура, георгианский стиль — обобщающие наименования историко-региональных стилей английского искусства в период правления королей Ганновской династии, которая охватывает практически весь английский XVIII век.

Как только автобус подъезжает к Эбингдон Виллас, я выскакиваю, и по мере приближения к кремовому оштукатуренному дому под номером 51 мне становится легче. Ощувив в руке тяжелый латунный молоток, я облегченно вздыхаю. Сразу никто не отвечает, но это неудивительно. Здесь нет толпы слуг, готовых сорваться с места по стуку в дверь или по звонку хозяйки. За всех слуг работает одна служанка, а обитатели дома делают остальное.

Я жду, и спустя несколько томительных минут мое терпение вознаграждено, дверь открывается. Появляется лицо моей любимой сестры Нелли, все еще помятое ото сна. Она бросается обнимать меня прежде, чем успевает удивиться моему появлению и замереть.

— Что ты делаешь здесь, Клементина? И в такой одежде? — спрашивает она. Вид у нее озадаченный. — Сегодня же твоя свадьба!

ГЛАВА ВТОРАЯ

*12 сентября 1908 года
Лондон, Англия*

Меня окутывает успокаивающий уютный запах заваривающегося чая, пар согревает лицо и руки. Нелли не требует от меня ответа на свой вопрос. Пока нет. Я знаю, скоро она начнет настаивать на объяснении моего неожиданного визита, но пока что у меня есть возможность наслаждаться временной тишиной гостиной. Минут тишины, проведенных здесь, дома, наедине с сестрой, может хватить для того, чтобы я пережила этот день.

— Ты же не думаешь о том, чтобы отменить свадьбу, Клемми? — нарушает тишину робкий шепот Нелли. Ни ей, ни мне не хочется будить хоть кого-то в спящем доме, менее всего нашу мать.

— Нет-нет, Нелли, — шепчу я в ответ. Тянусь к ее руке, костяшками пальцев провожу по столу, за которым мы с сестрой часами занимались шитьем для швейной мастерской кухни Лены Уайт: необходимость, позволявшая оплачивать расходы на хозяйство.

На лице сестры читается облегчение. Я и подумать не могла, насколько ее пугает мысль о том, что я могу отменить *эту* свадьбу. С моей стороны было жестоко сразу же не объяснить свое появление.

— Ничего подобного, моя дорогая. Мне нужно было ненадолго оказаться в знакомой домашней обстановке. Просто чтобы немного успокоить нервы.

— А из-за чего ты нервничаешь? Из-за свадебной церемонии? Или из-за человека, чьей женой ты станешь? — Нелли, моя младшая сестренка, близнец моего единственного брата, поражает меня своей пронизательностью. Я слишком долго считала ее юной и неопытной, не той наперсницей, какой могла бы стать неукротимая Китти, если бы она, моя прекрасная бесстрашная старшая сестра, не умерла от тифа в шестнадцать лет. Мне не стоило недооценивать Нелли.

Вопрос сестры заставляет меня вспомнить первую встречу с моим нареченным. Это случилось на приеме в особняке леди

Сент-Хелиер, том самом, откуда я только что сбежала. Обед должен был состояться холодным мартовским вечером. Сперва я не хотела принимать приглашения от своей благодетельницы. Я жаловалась матери на то, что все мои подходящие к случаю платья нуждаются в починке, к тому же у меня не было чистых белых перчаток. На самом деле меня совершенно вымотал длинный дневной урок французского, но я не смела сказать об этом напрямую: мама терпеть не могла напоминаний о том, что ее девочкам приходится вносить свой вклад в ведение домашнего хозяйства. Она предпочитала верить в то, что ее титул и аристократическое происхождение должны волшебным образом приносить деньги на жилье, еду и прислугу — что странно противоречило ее свободным от условностей взглядам на нерушимость супружеских обетов и явному пристрастию к внебрачным отношениям, которые интересовали мать больше всего прочего в жизни, не исключая и нас, ее детей. Разумеется, она не собиралась принимать никаких отговорок: я не могла отказаться от приглашения моей щедрой, богатой опекуни, которая приходилась матери тетей и с удовольствием помогала молодежи войти в высшее общество. Словом, мать одолжила мне свои перчатки, я надела простое белое атласное платье покроя «принцесс»*, принадлежавшее Нелли, и послушно, хотя и с небольшой задержкой, отправилась к тетушке.

Хотя я и опоздала, мой сосед справа так и не появился даже ко второй перемене блюд. Я уже отчаялась услышать хоть что-то кроме утомительных разговоров о погоде, которые вел пожилой джентльмен слева, когда дверь в столовую с шумом распахнулась. Прежде чем дворецкий объявил о запоздавшем госте, круглолицый мужчина с застенчивой полуулыбкой уже подошел с извинениями к леди Сент-Хелиер, а затем устроился в богато украшенном резьбой кресле рядом со мной. Звук отодвигаемого кресла заглушил голос дворецкого, объявлявшего имя гостя. Я взглянула на него. У него были гладкие щеки мальчишки, но лоб прорезали морщины, свидетельствовавшие о взрослых заботах.

* В данном случае имеется в виду цельнокроенное приталенное платье.

Кем был этот джентльмен? Он казался мне знакомым, но я не могла вспомнить, где видела его. Возможно, на каком-нибудь светском рауте? Их было так много...

— Мисс, я сожалею о неудобствах, которые причинило вам мое опоздание. Пустое место за столом на торжественном обеде — не самое приятное дело. Прошу меня простить, — проговорил он, глядя на меня с обескураживающей прямоотой.

Не ожидая подобной откровенности, удивившись, я ответила прямо:

— Никакого неудобства, сэр. Я пришла всего за несколько минут до вас, меня задержала работа, — и тут же пожалела о своих словах: девушкам моего класса иметь работу не полагалось.

Теперь он казался удивленным.

— Вы работаете?

— Да, — с некоторым вызовом ответила я, — репетитором французского.

Упомянуть об основном источнике доходов — шитье, которым занимались мы с Нелли, я не решилась.

Его глаза загорелись энтузиазмом:

— Это... это восхитительно, мисс. Умение работать, знание мира — это бесценно.

Он это серьезно? Или это просто насмешка? Я не знала, как реагировать, а потому выбрала нейтральный ответ:

— Как скажете, сэр.

— Именно так и скажу. Это оригинально. А ваше регулярное погружение в язык, в культуру Франции, о... в этом я вам завидую. Я всегда ценил вклад Франции в культуру и политику Европы.

Похоже, он говорил искренне, а его взгляды совпадали с моими. Я рискнула ответить в тон:

— Совершенно согласна с вами, сэр. Я даже думала о том, чтобы изучать Францию, ее культуру и политику в университете. Директор школы меня в этом поощряла.

— Правда? — он снова казался удивленным. Возможно, не стоило так откровенно говорить о моих юношеских устремлениях. В конце концов, я не знаю ни этого человека, ни его взглядов.

Я решила, что немного юмора может сгладить впечатление:

— О, да. Но в итоге мне пришлось удовольствоваться проведенной в Париже зимой, где я ходила на лекции в Сорбонне, посещала картинные галереи и обедала с Камилем Писарро.

— Не такое плохое утешение, — с улыбкой заметил мой собеседник, не отводя от меня взгляда. Мне показалось, или в его светло-голубых глазах я заметила искорку уважения? В неярком свете свечей эти глаза меняли цвет, от бледно-аквамаринового до цвета утреннего неба.

На мгновение мы замолчали. Кажется, к этому моменту в беседах всех прочих гостей — а это было неординарное собрание политиков, журналистов и даже одной странной американской наследницы, также наступила пауза. Впрочем, возможно, все это время они молча слушали нас. Только тут я поняла, что, увлекшись беседой с моим соседом, я совершенно забыла обо всех прочих присутствующих.

Мой сосед не продолжал разговора, и, чтобы скрыть смущение, я сосредоточилась на совершенно остывшем цыпленке на своей тарелке. Я чувствовала, что этот джентльмен смотрит на меня, но не повернула головы. Для первой встречи наша беседа оказалась необыкновенно личной, и я не знала, как ее вести дальше.

— Прошу простить меня, мисс, — слова прозвучали неожиданно.

— За что, сэр?

— За непростительный недостаток манер.

— Не знаю, о чем вы говорите.

— Такая женщина, как вы, заслуживает самого вежливого обращения. Я только сейчас понял, что даже не представился, ограничившись объявлением дворецкого. Это непростительно, в особенности потому, что я прибыл слишком поздно для обычных формальностей. Вы позволите мне представиться сейчас?

Я кивнула, размышляя над тем, что он имел в виду, говоря «такая женщина, как вы». И какой же женщиной он меня считал?

— Мое имя Уинстон Черчилль.

Я невольно вздрогнула. Теперь понятно, почему мне была знакома его внешность. Я полагала, что это была какая-то случайная встреча несколько лет назад, но его лицо было мне знакомо

не по светским собраниям: я видела его в газетах. Сидевший рядом со мной джентльмен был видным членом парламента; ходили слухи, что вскоре он займет должность министра торговли, став, таким образом, одним из самых значительных людей в правительстве. Его продвижение по служебной лестнице вызывало неоднозначное отношение: несколько лет назад он перешел из партии консерваторов в либералы, выступая за свободную торговлю и более активные действия правительства по созданию законодательства, защищающего благосостояние граждан. Это широко освещалось в газетах, в том числе в интервью, которое дал «Дейли Кроникл» автор «Дракулы» Брэм Стокер.

Если память мне не изменяла, за несколько лет до этого мистер Черчилль проголосовал за проект закона о предоставлении женщинам избирательного права. Эта тема была мне очень близка. Когда я училась в Беркхамстедской школе для девочек*, Беатрис Харрис, наша директриса, привила мне вкус к идее женской независимости. Ее рассказы о суфражизме** пали на благодатную почву: я выросла с матерью, которая декларировала свою приверженность идеям нонконформизма, но на деле в жизни полагалась на статус аристократки и связи в высшем обществе, мне же хотелось иметь цель в жизни и, по возможности, быть независимой. И вот сейчас передо мной сидел один из немногих политиков, открыто поддержавших первые попытки дать женщинам право голоса. Я занервничала, но при этом ощутила воодушевление.

Прочие гости за столом окончательно умолкли, но мой сосед, кажется, не заметил этого; шумно прочистив горло, он продолжил:

— Надеюсь, имя Уинстона Черчилля вас не отпугнуло. В последнее время я стал изгоем во многих домах.

Я почувствовала, как жаркая кровь прихлынула к моим обычно бледным щекам. Причиной тому были не его слова, а то, что, не узнав его, я могла, сама того не желая, попасть в неловкое по-

* Беркхамстедская школа для девочек основана в 1888 году в г. Беркхамстед, Хартфордшир.

** Суфражистки (от фр. *suffrage* — избирательное право) — участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав. Суфражистки также выступали против дискриминации женщин в целом в политической и экономической жизни. Считали возможным вести борьбу, совершая радикальные акции.